

Николай Петрович Вагнер

Сапфир Мирикиевич

Н. П. Вагнер
САПФИР МИРИКИЕВИЧ

С юга ветерок — ласковый дружок; с севера снежок — строгий старичок. Так-то, мой паренек...

Шагай, шагай, не заглядывайся!..

И бабушка сама шагала по талому снежку и по крепкому сизому черепу. Где наст обледенелся, застеклянился, а где грязный снежок, как зола, насыпан. Почернел, сердечный, туго ему пришлось, скоро в землю провалится. А лужи, лужи! везде, по дороге, по полю... С деревьев слезы капаят... И грачи, мокры-мокрешеньки, всюду каркают. Весна! Весна пришла!..

— Бабушка, — спрашивает внучек, — а ты мне скажи, родненькая, отчего маслена раз в году бывает, и весна отчего раз в году приходит?..

— Шагай, шагай, дружок... Видишь, как все замокрились... Зимой и на юге злое горе пирует. Ветры студеные, вихри снежные, стужа злобная... Натерпятся, намаются, наплачутся Божьи люди... И все их слезы несет весной к нам... Заплачут небеса, заплачет земля, и от этих теплых слез и снежок весь побежит, распустится и в землю уйдет... Все наши грехи в

землю уйдут... Затем, что снежку уже не место, прошла его пора. Отлютовала зима. Шабаш ей! Идет весна-красна, теплая... Ворочается с юга солнце горячее, к нам накатывает, с каждым днем ближе и ближе подходит, выше и выше по небу ползет... Так-то, мой милый паренек!.. Шагай, шагай, не задумывайся!

— Бабушка! Да ты мне скажи, почему не весь круглый год маслена... Мы кажинный бы день ходили к куме Алене, и каждый день она бы нас блинами с маслом и сметаной поштовала, угощала...

— Сегодня блины, завтра блины, послезавтра блины. Катайся, как сыр в масле, круглый Божий год, без передышки!.. Ах ты, радостная кроха моя!.. Все Божье дело! Везде передышка нужна... А то без толку и в масле потонешь, и сметаной захлебнешься!.. И порядок тоже нужен. Без порядка никак нельзя быть, никак невозможно... Коли бы без порядку, так все бы перемешалось в одну кучу... И весна, и зима, и лето, и осень, все бы вместе сваялось, и не разберешь, где одно, где другое...

— А разве, бабушка, не бывает зима среди лета?

— Ни, ни! Николи не бывает.

— А как же в запрошлом-то году у нас в Духов день снежок выпал? Помнишь?

— Да это так себе, какой ни на есть шальной выискался, да и пошел... И тут же себе капут приключил... Все его съело солнышко теплое... А ты шагай, шагай, торопись, дай мне рученьку!

— Нет, бабушка... Я сам...

— Да ты сам ножками-то действуй, а мне дай рученьку хорошую. Она ведь ничего не делает... на счастье... Ну! Не упрямясь, дай!.. Видишь, ты не разбираешь, где сухо, где мокро, все по лужам шагашь. Гляди-ка, как сапожки-то... мокрым-мокрешеньки. Дай! дай, хороший, рученьку, а то я и сказку не буду говорить.

И внучек сейчас же протянул рученьку, как только услышал эту угрозу.

— Видишь, весь носик обмерз, покраснел, и глазки ясные покраснели.

И бабушка вытерла платочком и носик, и глазки. А внучек смотрел на бабушку этими ясными, голубыми глазами и ждал, скоро ли баба милая сказку начнет.

А кругом теплый ветерок подувает, словно со сна, и бороздит, рябит воду в лужах. И голые рощи стоят, краснеют, точно чего-то ждут не дождутся... И тучка мокрых воробьев вдруг налетела с гамом, чириканьем, посела на снежок, на дорожку, и опять вспорхнули все и улетели... А в небе высоко-высоко черные кряквы летят, кричат, крыльями хлопают...

— Ну, что же, бабушка? Сказку...

И бабушка, не выпуская из своей костлявой, шероховатой руки маленькую ручонку внука, начала свою сказку...

По низовьям-низам хмары стелются, ползут, тащатся тучки Божии, кому горе, кому радость, кому хворь и болезнь, кому клад и богатство, все и всем несут и дарят тучки Божии. По низовьям-низам студены туманы клубятся, кому красу, кому бедноту, кому уродство несут. Всякому люду от Бога доля дана. Кому каждый день масленица, кому целый век великий пост.

За дальними морями, сизыми туманами, в славном царстве могучего царя Бендеря было дело великий грех... Одна была дочка у царя, чудо-юдо, краса невиданная и неслыхан-

ная, и неписанная, нерисованная, и звали ее царевна Милена-душа, светлый Божий день... Чего, чего не было у царевны прекрасной... И дворцы-терема, с переходцами, и сады, садики с цветиками махровыми, и деревца изумрудные с золотыми яблочками, и птички хохлатые, хвостатые, сладкогласные. Целый день по кустикам порхают, по садочкам летают, поют песни звонкие. Милену-душу тешат, потешают. Бегут ручьи студеные, серебряные, с высоких гор катятся. Играет музыка невидимая, все красу прекрасной царевны славят, а царевна-душа, Милена-краса, ходит хмурая, да невеселая... И не знает царь-батюшка, чем свою доченьку развеселить, чего недостает ей. Велит он своим скоморохам-шутам царевну потешать. Пляшут, кувыркаются перед ней шуты потешные, кричат голосами звериными, кто петухом, кто по-песьи лает, кто журавлем курлычет, представляют притчи и комедии. Не могут развеселить, утешить царевны Милены... Зовет-кличет царь Бендерей мудрецов с дальних и ближних стран, заставляет их думать думу глубокую, чем развлечь, распотешить его дочурочку прекрасную. Од-

на у него она, как перст единая, утеха и радость в жизни сей скоротечной. И засели думать мудрецы вещи думу могучую. Думали, думали, ни много ни мало целых тридцать три дня без трех часов. Один мудрец говорит, надо царевну в заморские царства везти, злую тоску по морям, по горам размыкать-стряхнуть, другой говорит, надо царевну три дня на заре утром в студеной воде купать, и всю хмару-тоску смоеет Божья вода. Третий мудрец ничего не сказал. Он слушал из саду песню птицы Кохлыги. Маленькая птичка, а голос куда звонче, лучше соловья. В окошечко косяцато солнышко светит, улыбается, зелена роща глядит, и поет так сладко Кохлыга птичка Божия. И вот говорит третий мудрец, а звали его Сапфиром Мирикиевичем Мудрым. Был он моложке всех и била ключом в нем кровь горячая. «Слушайте, — говорит, — братья мудрые. Знаю я, чего не хватает царевне молодой, мне это птица Кохлыга поведала. Много кругом ее всяких утех, много золота, серебра, камней самоцветных, много уборов нарядных парчовых, дорогих, кружев серебряных, много теремов-дворцов с переходца-

ми, зелены сады кругом с цветочками махровыми, птички Божии порхают, славят царевны красу. А ей все нудно да скучно кажется, холодно на сердце. Выросло сердце царевны-души, просит оно ласки ответной от друга милого, просит она горячей любви».

И только что сказал, произнес молодой мудрец, прекрасный Сапфир Мирикиевич, свой совет мудрый высказал, как все мудрецы на него накинулись, руками замахали, загигикали. «Что ты, дурень беспутный, придумал-выдумал, кричат, — за такой совет всех нас царь-государь велит казнить смертью лютою». А царь-государь тут как тут. Все время он стоял позади дверей, все слушал, что великие мудрецы думают, советуют об его дорогой доченьке... Распахнулись двери створчаты, появился царь, появилась с ним стража грозная. «Спасибо, — говорит царь, — тебе, молодой мудрец Сапфир Мирикиевич, спасибо, что всех старых надоумил ты. Давно уж я сам домекал, чего, чего недостает моей доченьке. Ты уразумел твоей мудрой прозорливостью...» И тотчас же велел царь-государь по всей земле клич великий кликати, сзывать,

созывать всех принцев, королевичей, всех витязей, князей и царевичей. И вот едут гости званные со всех четырех концов, с севера, с полдня, с восхода и запада, собираются на широкий царский двор. Уставили слуги двор столами длинными, устлали их скатертями самобраными. В те поры как раз была масленица. Посели гости по чинам, по рядам. Выходит царь Бендерей, выводит за ручку Милену-красу. «Вот тебе, доченька, — говорит, — гости честные, гости званные, королевичи, принцы, царевичи, князья, витязи, рыцари удалые. Кого осчастливишь выбором, который тебе поглянется, того я моим сыном назову, а твоим суженым».

Все поклонились ей низко-низехонько. Посмотрела Милена на всех, глазами окинула. Помотала она головой.

— Тот мне мил, — говорит, — кто может за один присест сотню блинов съесть со сметаною.

Удивились гости, ахнули. А царь Бендерей: — Что ж, доченька, — говорит, — муж-то у тебя будет обжора, росомаха ненасытная.

Но твердо стоит Милена на желании сво-

ем. А слуги стоят с блинами и ждут, кому велют подавать. Встали многие гости, разгневались, пошли, не простясь, с пира царского. «Что же, — говорят, — нам здесь делать нечего: пусть царь Бендерей зовет, клич кличет, со всего царства объедал, обжирал собирает в женихи к своей дочке насмешнице-издевнице, а мы к ней в издевку идти не хотим». И пошли гости со двора царского. Слуги им дорожку смазали маслом.

Другие поглядели на царевну Милену. Смерть она мила показалась им. «Ну, была не была, — думают, съем не съем сотенку блинов!.. Авось одолею, попробую». А слуги сейчас же и подают им блинов. Съели гости первый десяток, не подавились... Глядят, подумывают. Налили им слуги меду крепкого, а царевна Милена потчует, угощает:

— Покушайте, гости дорогие, покушайте блинчиков масленых.

— Ради тебя, — кричат, — царевна прекрасная! — И подали им слуги другой десяток, но на этом десятке честные гости споткнулись, молча вышли из-за стола и пошли втихомолочку. А слуги, вершники, приспешники

им дорожку маслицем смазали и след их сметанкой замели, затерли, загладили.

— С Богом, мол. Проваливайте!

Один за одним уходили честные вон с пира царского... Редели ряды, опустел царский двор. Остался один королевич Меркитей Мерепонтович. Наградил его Бог и ростом, и дародством. Девяносто восемь блинов приел, на девяносто девятом споткнулся. Сидит, глаза выпучил и дохнуть не может. Так его слуги верные бережненько приняли и в дальний терем вежливенько отправили.

— Ну, вот, — говорит царь Бендерей, — полюбуйся, доченька, милая! Все женихи твои разошлись, разбежались. Никто не хочет быть объедалом, обжорою.

— Объедал и обжор, — говорит царевна, — мне не надобно. Найдем мы, может быть, себе жениха по сердцу. Погляди-кось, милый батюшка, кто это там у ворот стоит, возле столба высокого.

Поглядел Бендерей и говорит: «Это тот, кто указал, велел мне клич кликати и женихов ко двору сзывать. Это молодой мудрец Сапфир Мирикиевич».

А молодой мудрец стоит, глядит очами черными. Черные кудри по плечам вьются. Глядит он прямо на прекрасную Милену, дочь Бендеря-царя.

— Позови его ко мне, царь-батюшка, мне, — говорит, — надо слова два перемолвить с ним.

И велел царь слугам кликнуть мудреца Сапфира Мирикиевича, кликнуть позвать к царевне Милене-душе. Пошла Милена в гору высокую. Привели к ней Сапфира Мирикиевича.

— Гой! Вы, — говорит царевна Милена-душа, — уйдите все вы, слуги верные, оставьте нас вдвоем и стойте у дверей, никого не пускайте к нам. Мне надо молвить Сапфиру-мудрецу слово великое.

И поклонились, ушли слуги верные, одну царевну с Сапфиром-мудрецом оставили.

Как возговорит царевна Сапфиру-мудрецу: «Ты скажи мне, скажи, мудрый мудрец, отчего не светит всегда солнце ясное, отчего не всегда на сердце весело, отчего сладкая пища приедается, отчего звонкая песня припевадается и нарядное платье глазам опостылеет. Ска-

жи мне, мудрец, отчего тоска-скука гложет сердце человеческое?» Призадумался мудрец, думал, гадал, как ответ Милене держать.

— Оттого, — говорит, — перво-наперво, что плоть человеческая — бренная персть земли...

— А что это такое, бабушка, — допросил внучек, — бренная персть земли?

— А это плоть, тело наше... Из земли взято и в землю обратится. А ты слушай дальше хорошохонько...

— Оттого, — говорит мудрый мудрец Сапфир Мирикиевич, — что коли бы да солнце постоянно светило, то все бы мы от его света почернели, как арапы черные. Оттого, что плоть человеческая не может стерпеть вечной радости. Оттого, что сердце наше к земле влечет: ко всему смертному, преходящему тянется, а все преходящее, смертное нас вводит в ложь и обман. Отрекись, говорит, царевна прекрасная, от ложных утех... На бренной земле все здесь прах и ничтожество, все, как смачный блин: ешь его — вкусно, а съешь — тяжело и горько. Всякая радость сама по себе отраву несет. Звонкая песня припеваается,

сладкий мед приливается, и вертится здесь бедный человек, как в дурманном сне, хватается за утехи земные, чтобы ему было не скучно и не тоскливо жить...

Задумалась прекрасная Милена, глядит на мудрого мудреца Сапфира. А мудрый мудрец стоит перед ней, очи в землю опустил, а перстами смиренно перебирает лестовку.

— Сапфир Мирикиевич, — говорит царевна Милена-душа, — есть одна радость земная, и она никогда не прискучит нам, ибо радость эта вечная, с земли на небо мостом тянется. Это любовь человеческая. Бог создал человека и всякого зверя парюю. Бог благословил союз человеческий... Сапфир Мирикиевич, Сапфир мудрый!.. В сердце людском вечным светом горит свет небесный, и все перед ним прах, смерть и ничтожество, а свет любви нескончаемый.

Задумался мудрец, а сама Милена глазки прекрасные в землю потупила, и белая грудь ее тяжело воздымается... На глазках слезинки блестят, на щечках румянец горит, и вся она, ровно горлинка сизая, ровно яблочко румяное.

— Сапфир Мирикиевич, — говорит она шепотом тихим да ласковым. — Сапфир Мирикиевич, мудрец прекрасный. Если бы царица, дочь царская, перед тобою бы сердце открыла и посулила бы тебе жизнь радостную и любовь на земле и в небесах вечную. Отвернулся ли бы ты от нее, презрел бы ты ее ради покоя вечного?

Вздрогнул весь Сапфир Мирикиевич, руки и ноги задрожали, взглянул он на царицу Милену, долго пристально посмотрел своими очами черными и весь побледнел белее плату белого.

— Не искушай меня, — говорит, — царица прекрасная, знаю и верю я, что любовь твоя сладка и радостна. Но всякая любовь есть страсть и нега, сердца трепет, а я ищу и жажду покоя вечного, холодного и бесстрастного. Любовь земная проходит, как сельный цвет, стораает, как свеча воску ярого, блеснет звездочкой, потешным огнем и погаснет, исчезнет; один лишь пепел холодный останется.

— Сапфир Мирикиевич, — говорит царица прекрасная, — не погаснет любовь истинная. До гробовой доски горит она, ровным све-

том теплится; а за гробом она тихой небесной радостью горит, славе Божьей радуется.

Покачал головой Сапфир Мирикиевич, покачал и стоит перед царевной, опустив голову, кожаную лестовку перебираючи. Вздохнул тяжко молодой мудрец, вздохнувши, промолвил так:

— Все это сказка пустая, царевна прекрасная. Далека она от правды святой, от истины.

— Нет, — вскричала царевна прекрасная, — веришь ли ты в Бога Создателя, веришь ли ты в любовь Его, в Сына Божия, веришь ли в Духа Его святого, великого... А я верю в жизнь вечную, в жизнь загробную. Есть на небесах и трепет и радости. Нет там покоя смерти холодного, нет там смерти, ибо Бог там. Бог живых, а не мертвых.

И говорит тут Сапфир Мирикиевич:

— О! Пусть же вера в твоём сердце горит, царевна Милена прекрасная, пусть согревает она молодое сердце, ласковое. В каждой поре есть свои утехи и радости... А я отживу здесь свой срок, отстрадаю и вкушу покой сладостный.

Удивилась царевна Милена прекрасная,

ужаснулась она и горем тяжким взгоревала, заплакала.

— Ох! Ты гой еси, — говорит она, — Сапфир Мирикиевич. Нету в сердце твоём правды, истины. Ты не любишь жизни Богом дарованной. Ты не веришь в жизнь вечную. Поди, спроси бел-горюч камень Алатырь, хочет ли он жить жизнью вечною.

И поклонился Сапфир Мирикиевич царевне Милене, нашел он бел-горюч камень Алатырь и говорит ему:

— Камень ты, камень Алатырь, лежишь ты здесь 330 лет, лежишь ты безмятежно, бестрепетно. Сладок ли твой покой, и не хочешь ли ты дышать и двигаться, не хочешь ли ты жить жизнью человеческой?

Говорит камень Алатырь, отвечает Сапфиру человеческим голосом:

— Ох ты неразумный мудрец. Сапфир Мирикиевич. Ты спроси воду быструю в ручье или в светлой реченьке, что бежит по чистым камешкам, хорошо ли ей зимой подо льдом лежать. Не играет ветерок ее струйками, не блестит в них солнце и месяц серебром и золотом. Ты поди, мудрец, к дубу заморскому,

что стоит на круче горы крутой 330 лет, без пяти день с половиною. Ты спроси его, хорошо ли ему жить на горе крутой.

И пошел мудрец Сапфир Мирикиевич. Пошел он к дубу зеленому, что большим шатром раскинулся, разошелся ветвями во все стороны. Допросил его Сапфир Мирикиевич.

— Ты скажи, скажи, дуб могучий, мне, не довольно ль ты пожил на своем веку, посохли уж твои корни старые, покривились твои сучья корявые, понагнулись до земли сырой. Видно, хотят они в земле нашей матушке вкусить покой сладостный.

Восшумел дуб ветвями могучими, возговорил дуб человеческим голосом:

— Ох, ты неразумный мудрец, Сапфир Мирикиевич. Кому жизнь не мила, кому смерть не страшна. Не моя воля привязала меня к круче крутой корнями крепкими; коли б воля была моя, не стоял бы я здесь, о судьбе своей жалеючи, ожидая каждый миг смерти лютыя; коли б моя была воля, вспорхнул бы я легкой пташечкой, полетел бы я и воспел, прославил Творца моего, в воздушных теплых струях купаючись. Ты поди, неразумный мудрец, спро-

си птицу Кохлыгу голосистую, мила ли ей жизнь многоценная!

И послушал дуба, пошел Сапфир Мирикиевич, допросил он птицу Кохлыгу хохлатую, птицу заморскую:

— Ты скажи мне, скажи, птица сладкогласная, мила ли тебе жизнь на свете сем, и не желаешь ли ты покоя безмятежного, покоя вечного.

Как возговорит ему птица Кохлыга человеческим голосом:

— Гой, ты, неразумный мудрец, Сапфир Мирикиевич! Ты вынь, изми из меня сердце горячее. Ты вложи, мудрец, в грудь мою золотистую кусочек льда студеного и тогда меня спрашивай. А до тех пор, пока во мне сердце трепещет, хочу я вечного трепета. Взлечу я на кручь крутой горы, сяду я на древо высокое, поднимусь я на крыльях быстрых на высь страшенную, далеко, далеко мир Божий подо мной расстилается. Надо мною горит солнце яркое... опрокинуто небо синее, и мнится, что там, в этом небе сапфирном, иная жизнь, иной трепет, иные желанья. Сердце рвется туда, но нет у него крыльев ангель-

ских, полететь к источнику жизни и света и вечного трепета.

И вспорхнула птица Кохлыга, затрепетала крыльями белыми, и вспомнилась Сапфиру Мирикиевичу царица Милена прекрасная. В груди его сердце встрепенулось, потянуло его к царице Милене красавице, потянуло его к любви, жизни и трепету.

Идет он светел и радостен, все жилки его трепещут, дрожат. Воздух к нему ласково ластится, солнышко греет приветливо, трава-мурава зеленеет нарядным ковром, цветы махровы, лазоревы цветут, благоухают жизнерадостно. И птицы небесные поют, заливаются, славословят жизнь и Творца ее. Остановился мудрец, заслушался. В груди у него сердце растет, поднимается, вся душа его радостью, блаженством переполняется. И слышит он, как трава растет, слышит он, как жемчуги в море далеком перекатываются, как цветы цветут, и вся мать сыра-земля, и солнце, и луна, и звезды светлые славят Бога Творца. Заслушался Сапфир Мирикиевич...

А дни идут, идут, ползут, все мимо да мимо его проходят. Проходят года, проходят и тыся-

чи лет... Все стоит, слушает мудрый мудрец... И вдруг проснулся Сапфир Мирикиевич. По дул с юга теплый ветерок, ласковый дружок, и очнулся, узрел и услышал Сапфир Мирикиевич; оглянулся кругом и видит: стоит он серед пустыни пустой. Кругом него песок и камни нагромождены, навалены. Идет он, шатается, бредет, спотыкается. Дошел до маленькой лужицы, испить захотел. Нагнулся он к лужице, смотрит, глядит, кто там, в чистой воде какой-то старец седой глядит на него... Очнулся, оглянулся Сапфир Мирикиевич. Отшатнулся он от воды-зеркала. Встал, дрожит, идет, шатается. «Куда я зашел, куда я попал?» думу думает. И встретился ему на дороге пастух, такой же древний, как и он.

— Поведай ты мне, добрый человек, — говорит ему Сапфир Мирикиевич, — что здесь за страна и где, далеко ли престольный град царя Бендеря?

Глядит на него старец-пастух.

— Нет, — говорит, — у нас никакого царя Бендеря, а от старых древних старцев слышал, что был такой давным-давно, и вот теперь видны развалины там, где град его пре-

стольный стоял.

Оглянулся Сапфир Мирикиевич и, точно, увидал одни развалины. И жалостью все сердце его наполнилось, и вспомнил он так живо и ярко дворцы, терема с переходцами. Вспомнил он и царевну Милену-душу. И сердце в нем тоскою горькою всплакалось, ноженьки его подкосились, опустился он на землю сыру, и чует он, что смерть подходит к нему!

Солнце садится низехонько. Темная ночь за ним по пятам идет; взглянул он на тихий закат, туда, где солнце ярко горит, и взмолился; заплакала его душенька.

— Господи! — говорит. — Не дай мне смерти вкусить. Я жить хочу. Дай мне жизни, вечного трепета в вечных селениях твоих, там, где не заходит солнце славы твоей...

— Бабушка! Бабушка! — вскричал внучек. — Смотри-ка, солнышко!

И действительно, бледное, точно больное, солнце глянуло сквозь тучи, и все заблестело, обрадовалось свету Божьему; засверкали лужицы, забелели снега, и тихо-тихо с юга тянутся, летят журавли, звонкую песню курлыкают. Идет-грядет весна жизнерадостная!